

Сознание возвращалось медленно, нехотя, сквозь вязкую дымку сна. Первым, что проступило в полумраке, был пляшущий огонек свечи. Хань Сяо с трудом разомкнул веки — глаза еще резало от сухости — и повернулся на свет.

У стола сидел человек. В неверном сиянии пламени он казался почти призрачным: белое одеяние, чистое и ослепительное, словно свежесвыпавший снег, контрастировало с густыми тенями шатра. Незнакомец увлеченно листал свиток, но, услышав шорох, поднял голову и мягко улыбнулся:

— Проснулись?

Теплые отблески огня окутывали его фигуру мягким золотистым ореолом. В этом безмятежном взгляде, в едва уловимой полуулыбке и тишине момента было нечто настолько знакомое, что в памяти Хань Сяо само собой всплыло забытое видение. Прошлое на мгновение наложилось на настоящее, стирая границы миров.

— Хэ Янь... — едва слышно прошептал он.

— Кто? — Человек поднялся и подошел ближе. Он явно расслышал.

Хань Сяо вздрогнул, окончательно стряхивая морок. Он поспешно сел, стараясь унять гулкое сердцебиение и вернуть лицу бесстрастное выражение.

— Старый знакомый... Прошу простить мою дерзость, Ваше Высочество. Невольно вырвалось в беспамятстве.

Принц Юйжуй остановился у самой постели. Хань Сяо не поднимал головы, но чувствовал, как тот внимательно и изучающе смотрит на него.

— Вы ничем не обидели меня, Хань Сяо, — наконец раздался тихий, спокойный голос. — Не стоит быть столь официальным. Думаю, вашей натуре это совсем не свойственно.

Хань Сяо замер, задетый этой внезапной пронизательностью. Он рискнул взглянуть на принца:

— Ваше Высочество?

Се Исюнь вздохнул — так тихо, что звук почти утонул в потрескивании свечи.

— Вы помните, как меня зовут?

Хань Сяо смутился. Разумеется, он помнил — Се Исюнь. Но к чему этот вопрос?

— Можете называть меня по имени, — добавил принц.

Слова прозвучали почти нереально, словно эхо из другой жизни. Когда-то другой человек

говорил ему точно так же: «Можешь называть меня просто по имени. Меня зовут Хэ Янь».

Хань Сяо во все глаза смотрел на стоящего перед ним принца. Как странно: двое мужчин, наделенных одинаковым благородством и мягкостью, но разделенных столь непохожими судьбами.

Легкая тяжесть на плечах заставила его вздрогнуть. Принц заботливо набросил на него верхнее платье.

— Благодарю, Ваше Высочество, — Хань Сяо поплотнее запахнул ворот.

Се Исюнь протянул руку и кончиками пальцев осторожно приподнял его подбородок. Он едва заметно нахмурился.

— Неужели мое имя звучит так дурно, что вы...

Он не договорил и медленно убрал руку. Даже в этом упреке не было ни капли гнева или властности — лишь ровное, безмятежное спокойствие. Хань Сяо терялся в догадках: было ли это самообладание плодом высшей выдержки или принцу и впрямь было все равно?

— Одевайтесь, — негромко произнес Се Исюнь, возвращаясь к столу. — Владете вы боевыми искусствами или нет, а сидеть в одной нательной рубахе — верный способ занедужить.

Хань Сяо неловко засуетился, застегивая одежду. В полузабытьи он и не заметил собственного неподобающего вида. Проверив рукава, он с облегчением отметил, что тело ощущает приятную свежесть — промокшее насквозь платье явно сменили, пока он был в беспамятстве. Скорее всего, это сделал Минчжу, но от мысли об этом все равно становилось не по себе.

Приведя себя в порядок и перевязав волосы, он огляделся. Шатер был небольшим, обставленным просто, без лишней роскоши. Стены были занавешены плотными коврами, надежно удерживающими тепло. В углах негромко потрескивали жаровни — неудивительно, что он не замерз, едва очнувшись. Он взглянул на походную кровать: она была простой, но белье сияло чистотой и свежестью.

Когда туман в голове окончательно рассеялся, Хань Сяо понял: он находится в личных покоях принца.

— Я стеснил Ваше Высочество, — поклонился он. — Лишил вас отдыха.

Се Исюнь мягко улыбнулся:

— И как же вы догадались, что это мой шатер?

Хань Сяо вздохнул:

— Я прибыл в лагерь лишь вчера, вряд ли для меня успели бы подготовить отдельное место. К тому же, кто я такой, чтобы занимать целый шатер в одиночку, да еще и заставлять принца нести караул у моей постели? Вывод очевиден: меня перенесли сюда, когда я потерял сознание. Простите, что из-за меня вы провели ночь без сна.

Внутри, однако, зудело недоумение. Даже если он упал от изнеможения, спасая Лань Цзиюя, почему его не определили к военному советнику Шангуаню, к заместителю генерала Дэну или, на худой конец, к лекарям? Почему именно сюда?

— Это было мое решение, — ответил принц, словно читая его мысли. — Военный советник и другие заняты делами, к тому же о болезни Цзиюя знает лишь узкий круг людей. Не стоило привлекать лишнее внимание или тревожить их по ночам. Я же здесь лицо неофициальное, к военным делам отношения не имею и, пожалуй, являюсь самым праздным человеком в лагере. Мне было несложно присмотреть за вами. Надеюсь, вы не в обиде.

Хань Сяо молчал. Се Исюнь не обязан был объясняться, но эта откровенность странным образом успокаивала.

— Как генерал Лань? — спохватился Хань Сяо. — Он пришел в себя?

— Очнулся на полчаса раньше вас.

— Что же вы меня не разбудили? — Хань Сяо встревоженно вскинулся. — Нужно проверить пульс, скорректировать рецепт...

— Такова была воля Цзиюя, и я с ним согласился. Вы мчались сюда без сна и отдыха, а потом работали на пределе сил. Нам обоим показалось, что вам нужно выспаться. Какой прок от врача, который свалится с лихорадкой следом за пациентом?

Хань Сяо не нашелся с ответом. Принц был прав: его здоровье никогда не отличалось крепостью. Несмотря на все усилия Второго наставника и регулярные тренировки, врожденную слабость было не избыть. Как рассказывала когда-то няня, мать маленького Нань Си пережила отравление, будучи беременной. Ее спасли, но яд успел отравить плод, обрекая ребенка на преждевременное рождение и вечную хрупкость. Мать угасла через несколько лет, и Нань Си рос болезненным ребенком, чья жизнь висела на волоске. Хань Сяо, получив это тело, делал все возможное, чтобы укрепить его, но против природы не пойдешь — можно лишь подправить то, что уже сломано.

<http://bllate.org/book/17518/1722000>